

ПЕЙЗАЖ ГРАППЕЛЛИ

Перед сном я шла умываться в их странную, невообразимую, незабываемую ванную, которую расписывал Минас. Стены полыхали всеми красками земли и солнца, и странно было думать, что это совмещенный санузел обычной хрущевки. В ванне всегда стояла вода: запасы делались при всякой возможности. Хорошо, что не было воды, ведь там Минас.

Мебели не было почти никакой. Ну, стол там, и на чем спать. И рояль. А вот шкафов не помню, не нужны были.

Зато вдоль стен в витринах стояли яйца расписанные, разные-разные-разные, несколько – сотен? Дядя Яша всех художников знакомых просил расписать ему хотя бы одно. А знакомых художников у него была – вся Армения.

Ах, какие они были. Полыхающие цветом, пламенными какими-то языками, с миниатюрами, пейзажами, лицами, ликами; рассматривала я их всегда, с детства. У меня были любимые – со звездами, с растяжкой из синей черноты в ультрамарин, с белым, с золотом.

А еще были картины. Я их долго не замечала. Это мне непонятно было – картины. Мы сдавали историю искусств, у меня пятерка была. Но там все просто и ясно: эпоха-стиль-страна-мастер. Основные произведения. Все давно рассортировано, какие хорошие, какие похуже. А здесь картин было множество, они занимали все стены – от края до края. Это Джотто, это Элибекян (не помню), там Сарьян, это (еще фамилия), а вот Минас. А там еще Минас.

И что об этом надо думать? В музее, там хоть таблички с названьями, а тут – ничего. Они надвигались, эти картины. Они сходили со стен и обступали, они поселялись в моей голове, пока я спала, наводили цветные сны, перешептывались молча.

Я проснулась однажды и увидела напротив: Девушка у окна. Просто девушка, в профиль, и квадратное за ней – окно. И там дерево. Она сидит, немного грустно. Задумалась. Красный тон, а грустно. А я целую жизнь на нее смотрела и не видела.

Был еще рояль – кабинетный, черный. Я просыпалась под Шопена: к дяде Яше приходила ученица. Я лежала и слушала прелюды. А когда был Арно, на весь дом переливался джаз. Граппелли. Граппелли он любил, и я имя запомнила – льющийся джазовый звук: Грап-пелли. Под этот джаз я жила в Армении.

Дома были связаны веревками. Пятые, четвертые этажи – веревками, ниже – виноградом. Веревки были на блоках, чтобы крутить: развешивать белье. А ночью всегда был дикий ветер. Он начинался вечером, и всю ночь, страстный, жаркий, сухой, метался пылью, бросался из темноты на белое. В голове что-то рушилось: идешь ночью, вокруг хрущевский пятиэтажный пейзаж, над головой черное небо, и в необозримой вышине призрачными знаменами рвутся, летят чьи-то простыни.

Анна Хоси